

Тань Юмин уже давно не помнил о своих подростковых подвигах, прогремевших когда-то на весь Хайши. Бросив Шэнь Цзыци у ворот частной школы, он умчался прочь.

Кордербери был небольшим городком, почти не тронутым индустриализацией. Помимо нескольких важных учебных заведений юго-запада, здесь процветали лишь традиционные ремёсла.

На улицах теснились магазинчики, торгующие часами, костюмами на заказ и изделиями из ткани и кожи. Старые портные выставляли у дверей кресла-качалки, и когда не было клиентов, просто грелись на солнышке, попивая глинтвейн. Им было совершенно наплевать, торопятся заказчики или нет: ровно в три часа дня они опускали жалюзи, запирали двери и отправлялись по домам.

Машина медленно ехала по вымощенной камнем улице. Взгляд Тань Юмина на мгновение задержался на вывеске одного из ателье, и он припарковался.

— Подскажите, это продаётся?

Зимой дела шли неважно. Бородатый хозяин ателье был уже слегка навеселе, но соображал на удивление ясно:

— Вам это не пойдёт.

Тань Юмин улыбнулся:

— Я покупаю в подарок.

— Тогда нужно шить на заказ.

— Ничего страшного, я возьму этот готовый костюм.

Времени на пошив не было: как только Шэнь Цзуннянь вернётся, им нужно будет отправляться в обратный путь.

Бородач внимательно оглядел молодого покупателя:

— Сэр, вы уверены? В костюмах отклонение даже на миллиметр может испортить весь вид.

Тань Юмин уверенно кивнул. Мерки Шэнь Цзунняня он знал как свои пять пальцев. Каждый сезон Гуань Кэчжи вызывала их обоих в старый особняк, где портной снимал с них мерки для всего гардероба — от рубашек и пальто до пижам и деловых костюмов.

Покупка подарка заняла время, и когда Тань Юмин вернулся в Манчэн, уже совсем стемнело. Столкнувшись в лифте апартаментов «Линкольн» с только что вернувшимся Шэнь Цзуннянем, он от неожиданности на мгновение замер, крепче сжав пакет с костюмом.

Шэнь Цзуннянь, стоя в кабине и удерживая кнопку открывания дверей, спросил:

— Не зайдёшь?

Тань Юмин сделал широкий шаг, ввалился в лифт, прижавшись к нему, и радостно выпалил:

— Почему ты так поздно?

— А сам-то? — Шэнь Цзуннянь смотрел прямо перед собой, не поворачивая головы. Но пакет в руках Тань Юмина был слишком приметным, поэтому он предположил, что тот сегодня весь день провёл в компании Вэйс Хэ — этот транжира всегда сорил деньгами направо и налево.

Тань Юмин не хотел, чтобы кто-то узнал, как он сегодня ездил угрожать младшему брату Шэнь Цзунняня, поэтому просто сменил тему. Вручив ему пакет, он сказал:

— Примерь.

Шэнь Цзуннянь на секунду замешкался:

— Что это?

— Открой и посмотри.

Шэнь Цзуннянь опустил глаза: внутри лежал новенький, красивый, отутюженный костюм.

Раздался звонок, двери лифта открылись.

Тань Юмин оглянулся на всё ещё стоящего внутри парня:

— Шэнь Цзуннянь?

Шэнь Цзуннянь пришёл в себя и крепче сжал пакет.

Едва они вошли в квартиру, Тань Юмин тут же потребовал примерить подарок. Не в силах ему отказать, Шэнь Цзуннянь пошёл переодеваться.

Тань Юмин с улыбкой подобрал ему галстук, внимательно оглядел результат, покачал головой и, вздохнув, выдал вердикт:

— Чёрт возьми, я просто гений.

— ...

Костюм хоть и не стоил баснословных денег, как наряды от кутюр, но отличался безупречным кроем и качественной тканью.

В гардеробе Шэнь Цзунняня преобладали пиджаки с заострёнными или прямоугольными лацканами, из-за чего он всегда выглядел строго, властно и даже сурово — настоящая трата таких шикарных природных данных. У Тань Юмина же был острый глаз. Он с ходу выбрал однобортную модель с косой застёжкой на пуговицах, шлицей, складками-гармошкой и накладными карманами. Этот крой идеально подчёркивал широкие плечи и узкую талию Шэнь Цзунняня, придавая ему статный и благородный вид.

Тань Юмин с удовольствием любовался делом своих рук, ни секунды не сомневаясь, что ни

один ценитель прекрасного не сможет отвести от него глаз. Похлопав друга по плечу, он снова восхитился:

— И ты тоже гений.

Шэнь Цзуннянь, не страдавший таким нарциссизмом, лишь промолчал.

— Воротник должен прилегать плотнее, — Тань Юмин подался вперёд и потянулся к его шее.

Шэнь Цзуннянь снова окунулся в эту мягкость и тепло, свойственные только Тань Юмину.

Он вспомнил о коробке с печеньем, которую так и не забрал с парковки. Тань Юмин дарил подарки открыто и прямолинейно.

Для него подарить Шэнь Цзунняню костюм не требовало никаких особых поводов и объяснений, точно так же, как купить красивый шёлковый платок для Гуань Кэчжи во время шопинга или тёплую куртку для Тань Чжуншаня в поездке. Это было для него чем-то естественным, вошедшим в привычку.

И лишь Шэнь Цзуннянь оказался в ловушке этого идеально сидящего, почти безупречного костюма.

Человеческая одежда скрывала под собой извращённую, безумную оболочку и порочное, мрачное сердце.

Костюм символизировал заботу и любовь Тань Юмина к другу и члену семьи. И тот, кто его носил, был обязан стать идеальным, безупречным старшим братом, чтобы не предать эти чувства.

И всё же Шэнь Цзуннянь с искренней благодарностью произнёс:

— Спасибо.

Голос звучал ровно, но в нём слышалась неподдельная искренность.

Тань Юмин терпеть не мог, когда его благодарили. Небрежно отмахнувшись, он сказал:

— Хватит нести эту чушь. Лучше просто надевай его почаще, чтобы я видел — вот это будет лучшей благодарностью.

Они вылетели из Манчэна обратно в Хайши накануне Малого Нового года. Когда их частный борт приземлился в международном аэропорту, в лицо ударил влажный морской бриз, а над головой раскинулось безоблачное голубое небо, какого зимой в Манчэне не бывает никогда.

У них совершенно не было времени на отдых: оба с головой окунулись в работу. Накопившиеся за время поездки дела и предновогодняя суета обеспечили им сверхурочные на добрых полмесяца. Мало того, что Шэнь Цзуннянь несколько ночей подряд не появлялся дома, так и сам Тань Юмин целую неделю перебивался сном в комнате отдыха при офисе.

После Малого Нового года иногородние сотрудники «Хуаньту» и «Пинхай» начали постепенно разъезжаться по домам.

Тань Юмин, завершив последние в этом году беседы с топ-менеджерами, с облегчением выдохнул. Откинувшись на спинку кресла и массируя виски, он почувствовал, как пересохло во рту, и по внутренней связи попросил секретаря принести чай. Едва он успел просмотреть три проекта, как Ян Шиянь, энергичная как всегда, с пачкой документов в руках постучала в дверь его кабинета.

— Когда планируешь поехать домой? — подняв взгляд от отчёта, спросил Тань Юмин. Ян Шиянь была родом из Шэньчжэня и обычно не оставалась на Новый год в Хайши.

— Буду стоять на посту до последнего, — она с грохотом опустила стопку папок на стол босса.
— Чем ехать пораньше, чтобы родственники донимали свиданиями вслепую, уж лучше я получу тройную оплату за эти несколько дней.

Тань Юмин рассмеялся.

Ян Шиянь открыла папку и начала отчитываться о последних предновогодних делах:

— Вот документы и чеки на выплату новогодних премий сотрудникам. Пожалуйста, подпишите.

В то время, когда Тань Юмин ещё был в Манчэне, Ян Шиянь на видеоконференции упомянула, что «Минлун» в этом году планирует дарить сотрудникам подарочные наборы с золотом, а «Хуаньту» решила разыграть оплачиваемые туристические поездки в формате «слепых коробок». Казалось, между двумя гигантами намечалась нешуточная конкуренция даже в сфере корпоративных бонусов.

Тань Юмин поинтересовался:

— Откуда ты всё это знаешь?

— За столько лет работы главным помощником грех не обзавестись связями, — Ян Шиянь добросовестно выполняла свои обязанности. — Босс, кто завоевывает сердца людей, тот завоевывает мир. «Пинхай» не должна давать СМИ повод для насмешек.

«Минлун», «Хуаньту» и «Пинхай» образовывали тройственный союз, где партнёрство шло рука об руку с конкуренцией. Тань Юмин провёл видеоконференцию с отделами кадров и финансов и утвердил немалую сумму, передав её в полное распоряжение генеральной дирекции.

Когда он поставил последнюю подпись, Ян Шиянь открыла последнюю папку:

— А это подборка публикаций за этот месяц, касающихся господина Шэнь. Видимо, перед концом года все пытаются выполнить KPI, поэтому статей больше, чем в предыдущие месяцы. Взгляните. Я уже предварительно их отфильтровала. Красным выделены те, с которыми мы уже связались и урегулировали вопрос. Жёлтым — те, кто отказывается удалять материалы, утверждая, что мы предлагаем слишком мало.

Она продолжила:

— Статьи, выделенные жёлтым, ещё не опубликованы. Они планируют выпустить их во время Праздника весны, когда трафик будет самым высоким. Некоторые из них готовы к переговорам, и дело не в деньгах: они хотят, чтобы вы дали им эксклюзивное новогоднее интервью.

Это ли не был обходной путь к достижению цели? Все сплетничали, что в высокомерии молодого господина Таня на треть виновата его семья, а на семь десятых — Шэнь Цзуннянь. Но кто не знал, что если использовать Шэнь Цзунняня как наживку, Тань Юмин клюнет со стопроцентной вероятностью?

— Интервью будут примерно в таком стиле, — Ян Шиянь перевернула страницу. — Если вы согласитесь, они не станут публиковать материалы о господине Шэнь.

Тань Юмин пробежался глазами по тексту и холодно бросил:

— Этим и вот этим разошли письма от юристов. Тем, кому мало денег — не давать ни копейки.

— Что касается интервью... — Тань Юмин по диагонали просмотрел несколько статей. — На это можно согласиться, остальным — отказать. Где нужно надавить, а где предложить выгоду — решай сама по ситуации.

— Поняла, — в таких делах у Ян Шиянь был богатый опыт.

Тань Юмин полностью ей доверял:

— Ладно, заканчивай дела и иди домой пораньше.

Близился канун Нового года. В доме семьи Тань постепенно начиналась генеральная уборка, а мастера фэншуй пригласили для проведения ритуалов.

Поместье Тань представляло собой классический образец архитектуры в стиле больших домов района Сигуань провинции Гуандун. Гора Баоцзин когда-то была местом поселения торговцев-эмигрантов, но со временем семья Тань выкупила эти земли, заняв половину склона.

Усадьба располагалась террасами: чем выше, тем древнее были постройки — родовое гнездо и храм предков. У подножия горы никто не жил; там обустроили площадку для ритуалов фэншуй, залы и сады, где во время клановых мероприятий собирались родственники прямых и побочных ветвей.

В поколении господина Таня-старшего на склоне горы были построены новые особняки в западном стиле. Подобно тому, как сменялись поколения семьи Тань, старое и новое гармонично сосуществовало здесь, словно реки, впадающие в море.

Тань Чжуншань и Гуань Кэчжи жили в главном доме — Зале Десяти Тысяч Тернов. Тань Юмин и Шэнь Цзуннянь занимали отдельное восьмиугольное здание.

Слуги вымыли спальни и прилегающие комнаты обоих молодых господ водой с листьями помело, наклеили новогодние парные надписи. Раздвижные деревянные двери, витражные маньчжурские окна и винтажную деревянную винтовую лестницу украсили сусальным золотом.

Водитель привёз старого господина и его жену из их загородной виллы на горе Чуньтай, где они отдыхали.

Тётушки суетились на кухне, лепя традиционные пирожки «го». Два огромных таза были доверху наполнены жареными пирожками «яоцзяо», хрустящими полосками «даньсань» и кунжутными шариками «цзяньдуй» — всё это предназначалось для встречи новогоднего чудища Нянь в канун праздника.

С первого по десятый день Нового года рыбаки не выходили в море, поэтому шеф-повар заранее заказал доставку углей, рыбьих пузырей и трепангов для традиционного блюда «пуньчой»...

Шэнь Цзуннянь и Тань Юмин покинули свои офисы лишь в канун Нового года. Заскочив домой, чтобы наспех схватить пару комплектов одежды, они помчались в старый особняк на горе Баоцзин.

Едва они переступили порог, Тань Чжуншань повел их в родовой храм на заднем дворе, чтобы возжечь благовония. Это был именно семейный храм — главный храм предков находился на другой горе. Сюда приходили молиться только члены семьи Тань. Перед храмом росла раскидистая баухиния, которая была старше самого господина Таня-старшего на несколько десятков лет.

Предки семьи Тань сколотили состояние на морской торговле, поэтому они поклонялись богине Мацзу — покровительнице мореплавателей.

Золотая статуя Мацзу в короне с подвесками и накидке, утопающая в цветах, свечах и фруктах, излучала величественность, могущество и благодать.

Тань Юмин и Шэнь Цзуннянь вместе зажгли благовония, опустились на колени перед алтарём и почтительно поклонились.

Снаружи несколько раз ударил колокол. Мастер, проводивший ритуал, окропил края их одежд освящённой водой, чтобы очистить от скверны, и они снова склонились в поклоне.

Когда свечи сгорели на треть, Тань Чжуншань поджёг листки с молитвами и бросил их в курильницу. Тань Юмин и Шэнь Цзуннянь загадали свои желания, склонили головы в последнем поклоне.

В мягком свете свечей милосердное лицо богини и красновато-золотые блики играли на двух молодых, красивых лицах. О чём они просили — знала только Мацзу.

Тань Юмин первым открыл глаза. Когда Шэнь Цзуннянь поднял голову, он увидел, что тот смотрит на него. Шэнь Цзуннянь вопросительно изогнул бровь:

— Чего?

Тань Юмин промолчал, лишь широко, самодовольно улыбнулся. Шэнь Цзуннянь подумал, что тот выглядит слегка глуповато, но сам не заметил, как в его собственных глазах мелькнула нежность. Немного безмолвия, немного снисхождения, едва уловимая улыбка — и всё это мгновенно исчезло.

— Поднимайтесь, — сказал Тань Чжуншань.

Когда они втроём возвращались в Зал Десяти Тысяч Тернов, Тань Юмин ткнул Шэнь Цзунняня в руку и сказал:

— Смотри, плоды завязались.

Шэнь Цзуннянь проследил за его взглядом. Молодое деревце фикуса священного у храма пустило новые ветви. Рядом со столетним плакучим фикусом оно казалось совсем крошечным, но его округлые, похожие на веера листья переливались изумрудной зеленью сверху и золотом снизу.

На ветвях висели круглые плоды цвета нефрита, и лишь на самых кончиках горели алые точки, напоминающие бобы любви.

От автора:

Слухи: Они уже поженились! (нет)

<http://bllate.org/book/17117/1603804>